

УДК 1 (091)

Понятие метода в аналитической философии истории И. Берлина и М. Оукшотта

С.В. Никоненко

Философский факультет Санкт-Петербургского государственного университета, кафедра онтологии и теории познания

Аннотация. Статья посвящена мало изученному разделу аналитической философии – аналитической политической философии. Доказывается, что И. Берлин и М. Оукшотт выступают центральными представителями этого направления. Именно они создали основную для аналитической философии политики метод истории идей, который рассматривается в статье. Также доказано, что метод истории идей лежит в основе современной формы аналитической философии – внутреннего реализма.

Abstract. The paper is devoted to investigation of methodology in analytical philosophy of politics of I. Berlin and M. Oakeshott. It has been proved that the method of history of ideas is the main method of analytical philosophy of history and the human form of realism.

Ключевые слова: философия, философия истории, аналитическая философия, английская философия, метод, история идей, реализм

Key words: philosophy, history of philosophy, analytical philosophy, English philosophy, method, history of ideas, realism

1. Введение

Аналитическая философия истории до сих пор остается мало изученной областью в нашей стране. Принято считать, что аналитическая философия – это прежде всего эпистемология, логика, философия языка. Однако, с нашей точки зрения, это превратное мнение. Аналитическая философия оказалась состоятельной во всех основных разделах философии, в том числе и в области социальной и политической философии.

В аналитической философии истории много крупных классиков: Рассел, Уайтхед, Поппер, Уинч, Серл, Дворкин, Роулз, Рорти, Данто, Анкерсмит, Макинтайр и др. Однако в этой статье речь пойдет о двух самых оригинальных и, на наш взгляд, крупнейших представителях данного раздела аналитической философии – *Исае Берлине* и *Майкле Оукшотте*.

Возможно, авторы, о которых пойдет речь в настоящей статье, не согласились бы с нашим синтезом, когда мы объединили их как теоретиков одной позиции. В самом деле, И. Берлин и М. Оукшотт были непримиримыми противниками в сфере политической философии. Но нас интересуют методологические позиции в аналитической политической мысли. Мы убеждены в наличии общей для этих мыслителей *методологической позиции* в отношении философского анализа социальной сферы, его способа и сферы применения, а также в отношении определения места человека в мире, обществе и истории. Суть этой методологической позиции сводится к тому, что эти философы были сторонниками *метода истории идей*, как специфического метода аналитического исследования истории, общества и политики.

2. Философия И. Берлина

Лидер школы истории идей И. Берлин стремится рассматривать все свои философские построения в тесной связи с особенностями современной эпохи. Будучи постмодернистом по убеждению, Берлин выделяет культурный плюрализм в качестве главного знаменья нашей эпохи. Культура, язык, человеческая личность являются индивидуальными формами, поэтому никогда не могут быть полностью проанализированы. В этом смысле Берлин методологически разделяет релятивизм и плюрализм, доказывая, что подлинный плюрализм может и не вести к релятивизму. Он пишет: "Я предпочитаю кофе, вы предпочитаете шампанское. У нас различные вкусы. И ничего более нельзя сказать. Это – релятивизм. Существует мир объективных ценностей. Под этим я имею в виду те цели, которые люди преследуют ради их самих. Я не слеп по отношению к ценностям греков – их ценности не могут быть моими, но я могу понять, как можно жить согласно этим ценностям, я могу восхищаться ими и уважать их, и даже воображать, что следую им, хотя я это не делаю и не желаю, и, возможно, не смог бы, если бы пожелал" (*Berlin*, 1990). Таким образом, плюрализм весьма отличается от релятивизма, и Берлин не принимает последней позиции. Релятивизм основывается на частных языках субъективных

предпочтений; плюрализм же допускает возможность существования объективных ценностей. Историк идей, по Берлину, выступает и *аналитиком идей*, рассматривая идеи на всех стадиях их существования, а также учитывая все возможные связи этой идеи с другими идеями. На место физической реальности неореалистов и лингвистической реальности логических аналитиков Берлин и другие историки идей ставят *социо-культурную реальность*, "человеченную" сферу бытия. Таким образом, завершая дискуссию о релятивизме и плюрализме, отметим, что Берлин пытается совместить постмодернистские "открытость" и "терпимость" с типично аналитическим требованием необходимости существования объективных доводов в защиту любого теоретического положения или практической максимы. В результате получается парадоксальная картина: *плюрализм является утверждением "несовместимых" ценностей и стандартов, но не до такой степени несовместимости, которая исключает возможность диалога и коммуникации*. Полагая, что свобода заключается в как можно большем количестве открытых пред человеком дверей, Берлин, тем не менее, не согласен с экзистенциалистским и постмодернистским тезисом о том, что за этими дверями скрыты *равноценные* пути. Несчастливая или счастливая жизнь, истинная или ложная теория, терпимость или фанатизм – это допустимые пути, но из этого вовсе не следует их равноценность как для этого человека, так и для общества.

Это приводит Берлина к положению, которое является основным аргументом в защиту плюрализма, – к положению о *несовместимости истин*. Берлин пишет: "Мы должны учесть, что не существует четкого разрыва между историей и мифологией или историей и метафизикой, что в некотором смысле не существует четкой грани между "фактами" и "теорией". Нет абсолютного критерия, который, в принципе можно вывести" (*Berlin, 1984*). Берлин констатирует полную несостоятельность рационалистического обоснования универсализма, согласно которому существуют всеобщие критерии (божественные заповеди, положения разума, факты и др.). Истины и ценности несовместимы друг другом и могут *сталкиваться*. Столкновения ценностей происходят на разных уровнях, и все это влечет за собой реальные последствия. Наиболее значительны столкновения ценностей различных культур, а также групп и классов внутри одной культуры. Они движут историю и определяют социальную жизнь, хотя и не всегда отражаются на жизни отдельного индивида или группы. Так, представители какого-либо традиционного сообщества могут веками иметь один и тот же уклад до тех пор, пока негоцианты или завоеватели не принесут другие ценности. Например, водка и золото не были ценностями для туземцев, что часто использовали европейцы. Пристрастив туземцев к водке, они не только получили золото и рабов; они также разрушили их традиционный уклад жизни. Тем самым, по Берлину, существует гораздо больше культурных миров, чем один. Поэтому универсалистский взгляд на культуру, который Берлин называет "платоновско-иудео-христианской точкой зрения", не реалистичен и должен быть отвергнут.

Историцизм Берлина балансирует между постмодернистским призывом к полной свободе воображения и "гегельянским" допущением объективности исторических процессов. В этой связи, Берлин считает сомнительным отвергнуть историцизм при анализе исторических событий, как это делали Рассел и Поппер. В позиции Поппера Берлин усматривает сциентистский подход, желание видеть в истории не человеческие позиции, а факты. Рассел и Поппер относятся к сторонникам социального прогресса посредством реализации научно сформулированных проектов. Берлин считает подобные "экспертные оценки" либо несостоятельными, либо имеющими локальную значимость. Например, зная экономику, можно предложить меры для сокращения бедности; однако абсурдно выдвигать универсальные программы в жанре политэкономии. Даже если факты одни и те же, то нужно учитывать другие сопутствующие факторы: культурные, религиозные, этнические и т.д. Поэтому объект исследования неизбежно приобретает *индивидуальные* характеристики, "окрашиваясь" в цвета определенной группы, культуры, эпохи. Для Берлина безработица в Испании так же не похожа на безработицу в Греции, как испанцы не похожи на греков. Рассел и Поппер же считают, что факт безработицы один и тот же, поэтому какая-либо международная "еврокомиссия" вполне может предложить действенные меры для сокращения безработицы во всех странах. Налицо, тем самым, столкновение "метафизического" и "человеческого" типов реализма в вопросе безработицы. Тут присутствуют две различных позиции:

1) *Позиция Рассела и Поппера*: безработица – это социальное явление, которое надо рассматривать научно, то есть "как если бы" не было людей.

2) *Позиция Берлина*: безработица – это социальное явление, индивидуальное для каждой культуры, поэтому следует изучать позицию людей этой культуры по отношению к этому явлению.

Человек, с точки зрения Берлина, постоянно находится в ситуации, в которой должен *выбирать*, причем эта ситуация объективна и не зависит от человека. "Мы обречены выбирать, и каждый выбор может повлечь непоправимую утрату", – пишет Берлин (*Berlin, 1984*). Поскольку ценности несовместимы и могут *сталкиваться*, человек не сможет сделать правильный выбор хотя бы на том

основании, что не существует единого стандарта нравственности. Ценности несовместимы – выбирая одни, мы жертвуем другими. Однако существует, по крайней мере, два способа существенно снизить негативные последствия от неправильного выбора. Во-первых, человек может развить в себе способность анализировать и обнаруживать различные способы жизни и их последствия. Например, он может понять, что стать грибником во многих случаях лучше, чем стать наркоманом, но вряд ли намного лучше, чем стать туристом. Поэтому, во-вторых, человек способен развить в себе терпимость и уважение к свободе других людей. Например, можно понять, что не все люди хотят быть, как мы, поклонниками футбола, архитектуры, поэзии Блока или реалистической философии. Это – наши роли, которые мы выбрали и по которым нас узнают другие. Но у других людей другие роли, и мы не должны мешать им играть их. В глазах другого человека увлечение сериалами является столь же абсолютной ценностью, как и наше увлечение философскими проблемами, и это следует понять. Конечно, не все пути жизни допустимы. Враждебные природе, социуму и нравственному здоровью способы жизни осуждаются в большинстве сообществ. Всегда есть грань между спортом и гладиаторскими боями, поднятием тостов и алкоголизмом, сексуальной свободой и развратом, протестом и насилием. Но это не значит, полагает Берлин, что последние в этих парах пути жизни невозможны с какой-либо абсолютной и не исторической точки зрения.

Аналитический метод в истории идей Берлина преследует двойственную и противоречивую цель. С одной стороны, утверждается плюрализм идей и концепций, доказывается, что нельзя вывести универсальную методологию их анализа. С другой стороны, преследуется противоположная цель – доказать возможность диалога и коммуникации представителей различных языков, групп, культур. Детально анализируя идеи, их зарождение в умах людей, их трансформации, их признание и неприятие, историк идей должен составить "интеллектуальный портрет" рассматриваемой эпохи, культуры, школы. "Великие движения начались в головах людей – идеи о том, каковы отношения между людьми, каковы они могут быть и должны быть", – пишет Берлин (Berlin, 1990). Эти идеи представляют собой сложную совокупность, названную Берлиным "картинкой-загадкой" (jigsaw puzzle). Эту идею Берлин заимствовал у Остина, который считал, что любая теория – это сложенная из кусочков картинка-загадка (по аналогии с детской игрой), причем некоторые из кусочков всегда оказываются положенными не на то место или пропущенными. На самом деле, "гуманитарий", работающий, по определению, со всем, что касается человеческого сознания, языка и действий, не может быть внешним наблюдателем; он всегда является непосредственным участником или интерпретатором человеческих событий. В этой связи, пишет Берлин, "история есть мысленная проекция в прошлое этой деятельности по отбору и упорядочиванию, поиск связи и единства, а вместе с тем стремление усовершенствовать это с помощью всего, что выработало наше самосознание и что может оказаться полезным – все науки, все знания и умения, все известные нам теории" (Берлин, 2002). Уникальные явления и события человеческой истории (а сюда входят и современные события) невозможно, тем самым, свести к общим формулам и к естественнонаучным моделям. Выступая против любого логицизма и описательности в гуманитарных науках, Берлин отстаивает две ключевые идеи:

1) *Интерпретационизм*. Любой взгляд людей на поступки других – это взгляд с позиции своего языка, культуры и убеждений. При этом осуществляется анализ уникального, не похожего на наш, дискурса. Эта идея близка континентальной философии истории, типа герменевтики, однако Берлин ничего не говорит о "смысловой" коммуникации, о возникновении "герменевтического круга". Диалог культурных позиций Берлин понимает чисто аналитически, то есть как общение, диалог и перевод.

2) *Реализм*. Берлин считает, что следует изучать человека и историю, как они есть, а не какими их хотят видеть теоретики. Факты истории и культуры, в отличие от явлений и событий природы, являются "неиспоренно человеческими" факторами. Здесь действует не безличный "агент", наподобие трансформатора, а человек с его характером, убеждениями, ценностями и языком. При этом Берлин, конечно, не утверждает, наподобие исторических релятивистов, что в истории нет фактов. Он просто говорит, что метафизические реалисты, типа Поппера, ошибочно уравнивали в своем статусе *факты природы* и *факты истории*. По Берлину, мы не поймем исторической реальности, пока не осознаем, что онтологически она является прежде всего *человеческой реальностью*.

В полемике с метафизическими реалистами, уравнивающими логический статус природной и социальной реальности, вырисовывается еще один аспект аналитического метода в истории идей – *история идей выступает как альтернатива политической истории*, утвержденной со времен Платона как центр социальной жизни. А если посмотреть еще глубже, история идей переоценивает "официальную" историю философии и литературы, в которой ведущие роли играли те, кто ставил и решал конъюнктурные, насущные политические и экономические проблемы. Берлин считает, что в каждую эпоху игнорируются идеи некоторых гениев, типа Вико, Монтескье или Ж. Де Местра на том только основании, что они были аполитичными или реакционными философами. На самом деле, если

реально посмотреть на историю, то идеи, руководящие культурной жизнью, возникают в разных областях, а не только в политике. Представить себе возникновение *ключевой* идеи эпохи вне политики, по Берлину, столь же легко, как и представить себе человека, который смотрит не только хоккей или который ездит не только на трамвае. Достаточно только отбросить платоновско-гегельянскую догму о приоритете социально-экономической и политической жизни.

По Берлину, историк идей может избирать факты и строить из них какой-либо теоретический или художественный нарратив. В этом Берлин видит "человеческий" подход к истории, культуре, познанию. Делая человека противоречивым существом, мечущимся между пристрастием и терпимостью, Берлин достигает своей цели: доказать изначально запутанный, многогранный, трудноразрешимый характер человеческой личности в истории. Это приводит Берлина к построению противоречивой теории, проповедующей как аналитическую строгость в рассмотрении идей, так и свободу творческих переописаний, как реалистическое рассмотрение человека и социума, так и постмодернистское, идеалистическое допущение авторского произвола. Эти противоречия, заложенные Берлином в историю идей, при всей их очевидности, не умаляют выдающихся достижений Берлина в области применения аналитической методологии к истории и культуре. Одним из сторонников такой методологии был М. Оукшотт.

3. Аналитическая методология М. Оукшотта

Берлин и Оукшотт были политическими противниками, пропагандируя, соответственно, либеральные и консервативные ценности. Но при этом они действовали сходными методами и придерживались схожих метафизических позиций. Как и Берлин, Оукшотт много рассуждает о запутанном характере истории, о плюрализме традиций, о множестве сталкивающихся ценностей, о многообразии форм культуры, идей и ценностей. Оукшотт стремится к построению новой аналитической концепции рациональности и переописанию в духе этой концепции основных политических, моральных и религиозных идей.

Критикуя политический рационализм, Оукшотт предлагает рассматривать человека и общественные организации как *конкретные ситуации* для анализа. Таким образом, Оукшотт хочет повернуть социальную и политическую философию к человеку. У Оукшотта, конечно, не обходится без лозунгов и призывов, но факт в том, что Оукшотт действительно "повернул к человеку" аналитическую политическую философию, как Уайтхед – историю науки, а Берлин – философию истории.

Одной из тех категорий, которая займет ведущее место после низвержения политического рационализма, по Оукшотту, выступает категория "*традиция*". Он полагает, что традиция представляет собой не рационально выведенный стандарт, а только фиксацию устойчивых предпочтений людей определенной эпохи, культуры, сословия, религии и т.д. Он пишет: "Традиция поведения не есть фиксированная неизменная манера производства вещей, это – поток симпатии. Она может быть временно истреблена посредством внешнего вторжения, она может быть искажена, ограничена, захвачена или может истощиться" (Oakeshott, 1991). Кроме "потока симпатии", Оукшотт использует и другую метафору: "безбрежное море". Сравнивая традицию с морем, Оукшотт считает, что в социальной жизни много путей, направлений, бухт. В море социальной жизни нет ни начал, ни конечных путей и нет совершенно безопасных регионов. Любая традиция, идеология, учение могут быть приняты и не приняты, прославлены и забыты, развиты и искажены. Таким образом, сравнение социума с "поток симпатии" и "безбрежным морем" делает его для Оукшотта не менее запутанным и сложным, чем человека. При этом чаяния рационалистов создать "простую" социально-политическую теорию явно не состоятельны.

Рациональность, по Оукшотту, – это *человеческое качество*, которое приписывается живому человеку и его деятельности, а не субстанциональному Разуму; и в этом смысле в традиции постепенно возникают, закрепляются или исчезают различные типы и формы рациональности. Конечно, Оукшотт, как и Райл, подвержен опасности лингвистического психологизма, когда каждый человек попадает в зависимость от определенного культурного, традиционного и лингвистического "концептуального каркаса". Но психологизм, по мнению Оукшотта, является гораздо меньшим злом, чем рационалистический универсализм, навязывающий "единственно правильное" учение о разуме, обществе и морали.

Главным положением моральной философии Оукшотта выступает *утверждение практического характера морали, когда моральные ценности не выводятся рационально*. Оукшотт считает, что "моральные идеалы не являются продуктами рефлексивной мысли, вербальными выражениями непосредственных идей, которые затем переводятся (с различными степенями точности) в форму поведения; они являются продуктами человеческого поведения, человеческой практической деятельности, для которой рефлексивная мысль дает вторичное, абстрактное и частичное выражение в

словах" (*Oakeshott*, 1991). Ценности непосредственно связаны с поведением, имманентны ему и, следовательно, не могут быть представлены абстрактно, как, например, могут быть представлены идеи физики. Отвергая логические подходы к анализу морали, Оукшотт отстаивает специфический "человеческий" характер этой формы культуры. Поэтому в моральной философии, как и в политической философии, ситуативный анализ гораздо предпочтительнее глобального анализа.

Говоря об онтологических идеях Оукшотта, нельзя не затронуть его известное учение о роли поэзии в культуре и специфике анализа поэтического языка. В концепции поэзии Оукшотт приходит к трактовке отношений людей в обществе как "разговора". Вся цивилизация, по Оукшотту, возникла не благодаря труду, а благодаря "разговорам" и коммуникации главных из них в различных культурах. Например, образование с этой позиции рассматривается как постепенный прогресс в освоении "искусства и партнерства", в котором мы постепенно учимся тому, что важно произнести в разговоре по определенному поводу. Внимание Оукшотта к поэзии, достаточно редкое для аналитического философа, роднит Оукшотта с концепцией "приключения идей" Уайтхеда и учением Дьюи о метафизической глубине поэзии. Он выступает против многих аналитиков, которые, признавая приоритет науки и метафизики, отодвигали историю, поэзию и искусство на "задворки" интеллектуальной жизни. Поэзия, в таком понимании, является должным противовесом науке, стремящейся к представлению человеческой деятельности и природы в виде точно определенных понятий, законов, формул.

4. Заключение

Идеи Берлина и Оукшотта, послужившие фундаментом "человеческой формы" реализма и анализа истории идей, подхватывают и развивают многие интеллектуалы, среди которых не только философы-аналитики, но и культурологи, писатели, литературоведы. Хотя по своим основаниям Берлин и Оукшотт являются представителями идеализма, именно они повернули аналитическую философию от отвлеченного логического субъекта или носителя языка к реальному человеку. Берлин и Оукшотт выступают предшественниками человеческой формы реализма, или внутреннего реализма, составляющего суть аналитической философии современности.

Литература

- Berlin I.** Four essays on liberty. *Oxford, Oxford University Press*, p.13, 108, 1984.
Berlin I. The crooked timber of humanity. *New York, Penguin Press*, p.1, 11, 1990.
Oakeshott M. Rationalism in politics and other essays. *Indianapolis, Ithaca*, p.59, 479, 1991.
Берлин И. Подлинная цель познания. *М., Республика*, с.67, 2002.